

Неиссякаемые эти родники

Всё началось с крошечного репортажа о Московском тракте. От Ярославля он устремляется почти точно на юг, минует Ростов, пересекает надвое Переславль-Залесский, Мытищи, спешит к столярной Москве. А как же от Ярославля к северу? Давно занимает меня вопрос: через какие города и села двигался тот обоз с рыбой и пушниной, с которым до самой Москвы прошёл пёхом наш славный предок, что «по своей и божьей воле стал разумен и велик»?

В ответ на мои вопросы многие, причастные к истории, усмешливо мерили взглядом:

— А зачем вам это? Какое имеет значение, где шёл? Он велик стал в Москве, в Славяно-греко-латинской академии, а не на этом тракте...

Я, каюсь, не стал возражать. Но спрашивать не перестал. И однажды посоветовали мне поговорить с Владимиром Гречухиным — директором народного музея в Мышкине, который вот уже 20 лет занимается историей родного края.

Владимира Александровича Гречухина я нашёл на его рабочем месте в редакции районной газеты. Он — заведующий отделом писем. Музею отдаёт выходные дни, все отпуска, все вечера, а иногда и ночи.

— Пойдёмте, — сказал он, позванивая увесистой связкой ключей. — Лучше один раз увидеть...

Я, признаться, ничего особенного не ожидал увидеть. Ну, народный музей, созданный почти без денег, на одном энтузиазме. Однако увидел хорошо организованную, научно обоснованную, крепко скроенную экспозицию.

Гречухин рассказал, как доставался каждый экспонат музея. Однажды, например, услышал он: есть в далёком селе остатки полуторки — «ГАЗ-АА». Вспомнил: она да ещё трёхтонка «ЗИС-5» — это те машины, на которых возили цемент, кирпич и детали строителям Метростроя, Кузнецкого металлургического, заполярного Норильска. На них в войну доставляли на передовую снаряды и вывозили раненых. Если не спасти машину сейчас, увидят ли когда-нибудь наши потомки, на чём мы ездили, строили, воевали, победили... По цепочке собрал свой отряд, мальчишек, помощников — их около Гречухина сотни. С трудом добрались до села. Остатки машины вмёрзли в лёд — еле видны угол рамы и часть кабины. Поднялась метель. Ветер свистел в металле рамы. Жгли костры, грелись по очереди, отбивали машину ломом, обкапывали кругом лопатами. Бились весь остаток дня и часть ночи. Потом с рассвета — снова. И вытащили машину, привезли в Мышкино. Потом нашли вторую. Восстановили обе. Одна сейчас — экспонат, стоит во дворе рядом с деревянным рыбацким карбасом и металлическим катером лесосплавщиков. А вторую поставили на ход, она трудится в бесконечных музейных экспедициях...

А экспедиций этих действительно бесконечное множество. Однажды поручили гречухинским мальчишкам проверить гипотезу учёного, что точное место битвы с ордынскими захватчиками на реке Сить можно установить, собирая легенды, песни, предания. Так и вышло — подтвердили фольклорные источники гипотезу учёного. Найдено было место великой сечи. Теперь там памятник героям сражения...

И позднее не раз оснащали мышкинские мальчишки парусники, садились в байдарки, плоскодонки, надувные лодки и преодолевали во главе со своим предводителем сотни километров. Порой забирались в такие дебри, откуда и пешком трудно выбраться, а они ухитрялись вывезти целые постройки — дома, мельницы, чтобы возвести их возле своего музейного домика, где уже обрисовываются сейчас очертания экспозиции под открытым небом.

«Музей дал нам понимание, что такое Родина», — так говорят бывшие «мальчишки Гречухина» — директор Дома пионеров, слесарь, шофёр, начальник автоколонны...

А в райкоме партии мне сказали буквально следующее:

— Вот у нас в последнее время из района не бегут люди в большие города. Сказалась тут, конечно, механизация сельского труда, правда, не законченная ещё. Дороги благоустроенные, хотя их тоже ещё маловато. Дворец культуры, универмаг новый. Но в ряду всех этих важных причин назвать надо и наш народный музей. Ведь те сотни ребят, что с Гречухиным заняты зимой и летом благородным делом познания истории края, — это и наш резерв молодого пополнения на селе...

— Где же всё-таки шли холмогорцы со своей рыбой и «мягкой рухлядью»? Где путь Ломоносова?

— Через Великий Устюг? Да, был такой путь с Холмогор в Москву. Не только по Югу, Унже, а потом по Волге, но и по Сухоне, через Вологду, по Шексне. Ну, а там опять же Волга, Москва-река, и вот она — белокаменная.

— Но это уже всё не через Ярославль? А я думал — ночевали в Ярославле.

Рассмеялся директор музея:

— Нет, Ярославль тогда уже не был на великой дороге с Белого моря.

В жаркий летний день по центральной улице Костромы, утирая пот, заливавший лицо, шёл человек... с ёлкой на плече. Зачем ему ёлка? Да не в канун Нового года, а в июльскую жару?

— А вы пойдите в Ипатий. Поглядите там раздел «Природа»...

И вот я в Ипатии, в областном музее-заповеднике. И я, и стоящие рядом со мной люди всех возрастов — от седых старцев до юных дошколят буквально потрясены. Так и стоим с разинутыми ртами. Оказывается, змеи зимуют в земле, свернувшись в тесный клубок, напоминающий футбольный — довоенного образца — чёрный мяч... Оказывается, кулик сюда, в костромские болотные камыши, из Африки притопал пешком! Оказывается, бор-беломошник похож летом на торжественный храм или на сцену, где установлен орган... А вся земля костромская невероятно разнообразна и красива. И так далее до мысли: «Вот обойти всё это, посмотреть, как лиса охотится, как клюква растёт, услышать, как глухарь токует, — и умирать можно».

Преувеличиваю? Но ведь каждый может проверить то впечатление, которое вынес я из Ипатии. А создал это чудо коллектив энтузиастов во главе с человеком по фамилии Тяк. По профессии он таксидермист, то есть изготовитель чучел птиц и животных, а по натуре — художник, бессребреник, добродей. Он не чучела выставил, а реконструировал сценки из жизни птиц, рыб и животных, а также деревьев, трав и цветов Костромской области.

Есть в иных людях драгоценное качество ставить вопросы. Кто, откуда, зачем? Куда идти, что делать? Конечно, есть и другие вопросы: почём, сколько за это, что буду иметь? Но от них мир только скудеет. А от тех, первых, вопросов мир богатеет — красками, звуками, материальными благами.

Вы видели в нашей северной области плодоносящий грецкий орех? А я видел, пробовал орехи. Вам удавалось вырастить на этой скудной холодной земле амурский бархат? А уссурийский виноград? А японскую айву? А он вырастил, Сергей Фёдорович Харитонов, старик из Переславля. Он — маленький, головастый, с запавшими глазами, подвижный и сварливый:

— Городским людям каждую неделю надо «изливаться» в лес. Да, в лес. Зелёная зона Москвы должна простираться на 300—400 километров! А мы рубим здесь. Вывозим древесину...

— Древесина! — кричал он минуту спустя, когда мы пробирались в созданном его руками дендрарии через посадки сибирских пихт и черноплодной рябины. — Дадут же такое название! Это лес, а не древесина!

Однажды в разговоре с директором одного из переславских заводов Сергей Фёдорович посетовал, что промышленность скоро выпьет знаменитое Плещеево озеро а не выпьет, так отравит отходами. Директор хохотнул в ответ: «Хо-хо! Чепуха! Мы новое озеро выкопаем!» — «Но то озеро сделал ледник, может быть, миллион лет назад! Вода чистейшая — как слеза...» — «Слез! Хо! Мы любую воду сделаем».

— Видите, есть люди, — сердито заключил Харитонов, — которые думают, что всё в их руках. Сначала уничтожить, потом вновь создать. Лес вырубить, гору срыть, озеро высушить. А потом по новой. А во сколько это обойдётся? Да и восстановимо ли всё в природе?

И что примечательно: Харитонов не жалуется. Он делает. Он создал этот дендрарий, он пропагандирует посадки лесов, он тащит на нашу северную землю экзотических новичков и прививает их на этой почве. Неутомимо, вот уже 30 лет.

Замечаете? Все мои герои задавали вопросы **себе**, а отвечали **всем**. Раскрывали свои познания для всех. Для всех, кто хочет знать. Родник только тем в радость, кто хочет пить. А кто хочет чего другого, ему искать не в чистом роднике... Говорят, хобби, говорят, увлечение. Но хобби, мне думается, чаще всего ублажение самого себя. А эти люди, о которых я рассказал? Они одержимы страстью не меньшей силы, но собирают они крупички знаний и материальных их подтверждений не себе, а всем. Один строит музей, другой сажает сад, третий пишет книги. Пользуйтесь, люди! Подивитесь тому, чему я уже успел подивиться!

Все они в какой-то степени краеведы. Знают свой край, ведают всё о нём и ведут в этот край нас, несведущих, верящих, что весь мир устроен на асфальте в состоит из квартиры с телевизором... Они показывают нам наш город, наш район, заставляют убедиться, как бесконечно прекрасен этот мир.

Сейчас много пишут о собирателях. Мне пришлось не так давно описывать ход следствия по делу о краже икон и других творений русского искусства. Я с удивлением узнал о гигантских порой коллекциях, хранящихся в частных квартирах. Многие из этих коллекционеров, кстати, известные и уважаемые люди, закладывали свои коллекции, скупая заведомо ворованное.

Одни — в музеи, другие — из музеев. Таковы две противоборствующие тенденции.

Почему же можно купить икону XIII века, картину большого художника, уникальную вазу или старинную книгу? Ведь Спасскую башню нельзя купить — извините за крайность сравнения.

...А я, между прочим, так и не узнал, по какой дороге двигался холмогорский обоз с юным Ломоносовым. Но попутно, в поиске, встретил чудесных увлечённых людей. И счастлив этими встречами.